

Д. Б. Волков

НАРРАТИВНЫЙ ПОДХОД КАК РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ТОЖДЕСТВА

Психологический подход к решению проблемы тождества личности, по мнению многих современных философов, является наиболее перспективным. Однако он не позволяет объяснить особой заботы личности о себе в будущем и основания моральной ответственности в прошлом. Эти трудности решает нарративный подход. Он вбирает в себя черты психологического подхода, но обладает некоторыми преимуществами. Согласно нарративному подходу личность существует как протяженная во времени сущность, и отношение между ее частями и целым создает основание для моральной ответственности и особой заботы. Единство личности обеспечивается единством нарратива. Автор статьи рассматривает возможные варианты критики нарративного подхода и приходит к выводу, что эта критика неокончательная. Библиогр. 9 назв.

Ключевые слова: тождество личности, психологический подход, нарративный подход, предельное утверждение, моральная ответственность, особая забота.

D. B. Volkov

NARRATIVE APPROACH AS THE SOLUTION TO THE PERSONAL IDENTITY PROBLEM

According to the majority of contemporary philosophers, the psychological approach is the most promising solution to the problem of personal identity. However it fails to explain the special concern of a person about her future and the grounds for moral responsibility. These difficulties can be solved by the narrative approach. This comprises some of the aspects of the psychological approach but has significant advantages. According to the narrative approach, a person exists extended in time and the relationship between the temporary parts and the whole create the grounds for moral responsibility and special concern. The unity of a person is preserved as a unity of narrative. The author of this paper analyzes the criticisms of the narrative approach and suggests that it is far from being conclusive. Refs 9.

Keywords: personal identity, psychological approach, narrative approach, extreme claim, moral responsibility, special concern.

Проблема тождества личности и традиционные походы к ее решению

Проблема тождества личности — это проблема выявления характера связи между состояниями, действиями и свойствами личности на протяжении ее существования. К решению этой проблемы в философии традиционно существует несколько подходов: субстанциональный, психологический, биологический. По мнению многих философов, из традиционных подходов психологический является наиболее перспективным. «Последнюю половину столетия существовал значительный интерес к разработкам и защите психологических подходов к тождеству личности... Существуют десятки версий непрерывности психологических черт и множество талантливых сторонников этого общего подхода» [1, с.20–21]. Согласно

Волков Дмитрий Борисович — кандидат философских наук, содиректор НП «Московский центр исследования сознания», Российская Федерация, 119121, Москва, ул. Бурденко, 14А; dvolkoff@gmail.com

Volkov Dmitry B. — PhD, Co-director of Moscow center for consciousness studies, 14A, ul. Burdenko, Moscow, 119121, Russian Federation; dvolkoff@gmail.com

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

этой теории тождество личности определяется психологическими характеристиками. Личность во время t_1 тождественна личности во время t_2 , если сохраняется тождественность или преемственность психологических характеристик: воспоминаний, убеждений, желаний, характера. Личность не имеет тождественных личностей в другое время, когда наследников этих качеств не остается.

Одним из первых сторонников подобного подхода был Дж. Локк. Он считал, что из всех психологических характеристик именно память определяет тождество: «... Так что все то, что имеет сознание настоящих и прошедших действий, есть одна и та же личность, к которой относятся и те и другие действия» [2, с. 393]. Локк был уверен, что существование личности простирается в прошлое настолько, насколько прошлое может быть доступно в воспоминаниях. И по такому принципу предлагал атрибутировать поступки в прошлом. Интуитивно этот подход кажется правдоподобным. Ведь в первую очередь благодаря воспоминаниям мы отождествляем себя с каким-то человеком в прошлом. Однако при разборе контрпримеров обнаруживается, что такой критерий уязвим: человек может терять воспоминания, они могут быть частичными, эпизодическими, иметь лакуны и несоответствия. При этом может складываться впечатление, что человек не перестает быть тем же самым. Действия, состояния и свойства, совершенные им в прошлом, не становятся «чужими» в случае их частичного или полного забвения.

Адаптировать теорию к контрпримерам попытались современные сторонники психологического подхода (среди них Э. Кинтон, П. Грайс, отчасти С. Шумейкер, Дж. Перри). Они расширили список психологических характеристик и предложили использовать их *преемственность* (psychological continuity) вместо отношения тождества [3, с. 90]. Психологическую преемственность можно объяснить через понятие психологической связи (psychological connectedness). Психологическая связь между субъектами А в настоящем и Б в прошлом существует тогда, когда текущие психологические состояния А объяснимы и каузально связаны с состояниями Б. Психологическая преемственность существует между субъектами А и Z в том случае, если их состояния соединены чередой психологических связей. Но и это решение не позволяет избежать проблем.

Первая проблема заключается в том, что тождество психологических характеристик различных стадий личности не дает оснований для «особой заботы» и моральной ответственности. «Это возражение... было названо “предельным утверждением” Парфитом. Оно традиционно является одним из наиболее сильных возражений теоретикам психологического подхода» [1, с. 35]. Психологический подход редуцирует личность к временной стадии с определенными психологическими характеристиками. Но почему стадия с этими характеристиками должна особым образом заботиться о следующей стадии, пусть даже с теми же характеристиками (или преемственными)? Один из сторонников «предельного утверждения» пишет: «Очевидно, что у меня есть все основания беспокоиться, если человек, который будет испытывать боль, будет мной, но совсем не очевидно, что у меня есть основания беспокоиться, если человек, который будет испытывать боль, будет иметь определенные воспоминания...» [4, с. 307]. Аналогичные рассуждения позволяют сомневаться в рациональных основаниях моральной ответственности.

Второй проблемой для психологического подхода является *нарушение транзитивной связи* в некоторых случаях психологической преемственности. Тождествен-

ность — транзитивное отношение, а психологическая преемственность — нет. Психологические характеристики в принципе можно копировать. А это означает, что людей с одинаковыми или преемственными психологическими свойствами может быть несколько. Такие ситуации описаны в мысленных экспериментах (с делением или клонированием личностей). Один из них предложен самым известным исследователем тождества личности — Д. Парфитом и называется «Телетранспортер» [4].

Философ предлагает футуристический способ путешествий: в одном терминале тело человека сканируется и создается полное точное описание его физического строения. Описание отправляется в другой терминал. После этого тело в первом терминале полностью уничтожается, и в то же самое мгновение во втором терминале воссоздается точная копия этого человека. По условиям мысленного эксперимента все психологические черты это человека воссозданы (психологические свойства супервентны над физическими), поэтому личность, согласно психологическому подходу, должна считаться той же.

В мысленном эксперименте Парфит предлагает представить, что одна машина «Телетранспортера» не срабатывает, и тело в первом терминале после сканирования и отправки данных не уничтожается. Выходит, в двух терминалах теперь два человека — двое одинаковых людей. В этом сценарии получается, что преемников двое, и при этом они не просто похожи, но, согласно психологическому подходу, тождественны друг другу. Это открывает возможность для парадоксов. Например, один преемник может через некоторое время оказаться голодным, а другой — сытым. Тогда будут существовать два человека, они будут находиться в разных состояниях, и тем не менее они будут тождественны друг другу.

Возможно, недостаток психологического подхода связан с тем, что его сторонники сфокусированы на вопросе, имеющем абстрактный смысл. Они ищут тождественную связь. В таком виде вопрос о личности в разные моменты времени становится похожим на знаменитые парадоксы «корабля Тесея» или «кучи песка», когда определенное суждение невозможно из-за смутности определения. Ответ в таких случаях нельзя дать потому, что вопрос пуст. Пустой вопрос — это такой вопрос, когда вся релевантная информация известна, но ее недостаточно, чтобы дать определенный ответ. Но ситуацию можно поправить, если сфокусироваться на практически значимых вопросах. Это вопросы выживания и атрибутирования моральной ответственности за действия. Вполне возможно, для этих прагматических целей получится обойтись каким-то другим отношением, менее проблематичным, чем отношение нумерического тождества. Такими соображениями руководствуются теоретики нарративного подхода.

Нарративный подход

Нарративный подход отчасти близок психологическому, но отличается тем, что в нем изменен фокус — скорректирована постановка вопроса. Сторонники психологического подхода заняты вопросом *реидентификации* личности в разное время. Для установления тождества они пытаются определить, что делает одну личность в момент t_2 той же самой личностью, что существовала в момент t_1 (или, точнее, определяют, что делает одну временную стадию личности тождественной другой временной стадии личности), т.е. устанавливают критерии асинхронной

нумерической тождественности между временными стадиями личности (person time-slices, или person-stages). Их оппоненты, сторонники нарративного подхода, в частности М. Шечтман [1; 5], Д. Деннет [6], К. Эткинз [7], тождественность интерпретируют иначе. Они заняты не реидентификацией, а вопросом *характеризации личности*. Сторонники нарративного подхода исследуют отношения принадлежности между личностями и их свойствами, отношения частей и целого. Они считают, что личность существует как делящаяся во времени нередуцируемая сущность, а не стадия, не эпизод. Благодаря этому их определение и постановка вопроса гораздо ближе к практическим задачам. Гораздо понятнее, почему отдельные части личности, разнесенные во времени, для целой личности важнее, чем одна временная стадия личности для другой (предыдущей или последующей). Но как личность может состоять из разнесенных во времени частей? И как могут быть связаны между собой эти части?

По мнению сторонников нарративного подхода, связь основывается на возможности непротиворечивого включения свойств и действий в биографическую историю личности, т. е. психологические характеристики, ментальные события и физические действия могут принадлежать одной личности и являются ее частью тогда, когда они могут быть включены в ее биографическую структуру. Этой биографической структурой служит обычный последовательный рассказ о событиях, преимущественно от первого лица. Именно включенность в последовательную реалистическую автобиографию делает события и характеристики частью психологической сущности, основанием для моральной ответственности и справедливой компенсации, условием выживания и основанием для специфической заботы.

Однако как определить, что включено в биографическую структуру, в контур нарратива, а что — нет? Какие требования должны предъявляться к отношению между частями нарратива? Что может объединять историю, а что — служить фильтром для нерелевантных элементов?

Конструкция характеризующего биографического нарратива

Разные авторы по-разному описывают требования к биографическим нарративам. Иногда их описания недостаточно ясны. Однако представляется, что можно выделить следующие три ключевых критерия внутреннего единства. Во-первых, историю должна объединять *перспектива*. Истории обычно рассказываются от лица автора, или персонажа, или нескольких героев поочередно, но в каждый момент эта перспектива определена. «Выходит, что теоретически правильно организовывать интерпретации (обстоятельств. — Д. В.) вокруг центральной абстрактной сущности...» [6, с. 278]. Перспектива — это взгляд с точки с четкими временными и географическими координатами. Перемещение этих точек в развивающейся истории в основном происходит последовательно и непрерывно как в пространстве, так и во времени. Конкретное расположение точки обуславливает избирательное отношение к обстоятельствам и выражается в описаниях под определенным, специфическим углом зрения. Перспектива действует как прожектор, выхватывая из бесконечности допустимых описаний основное. Исходя из этой точки, из «*центра гравитации*» нарратива [6], часть обстоятельств выделяется как значимая, важная, а часть (собственно, большая часть) попросту игнорируется. Значимые события изобража-

ются подробнее, их временные рамки как бы раздвигаются. А незначительные обстоятельства проходят мимо или вообще не указываются. Отношение между различными по важности планами систематично: разделяются главные и побочные персонажи, ключевые события и случайные обстоятельства. Ключевые события образуют канву сюжета или вехи биографии. Таким образом, законы перспективы позволяют отобрать и правильно расположить элементы рассказа.

Второе объединяющее начало и фильтр для элементов нарратива — это *интеллектуальность траектории психической жизни*. История обычно состоит из событий и действий героев. Действия, как мы уже знаем, увязываются с ментальными состояниями, а эти ментальные состояния, сочетаясь между собой, согласуются с сущностными характеристиками личностей. Ментальные состояния объясняют поступки, а характер и склонности личности — ментальные состояния. Из одних ментальных состояний проистекают другие. Таким образом, вся жизненная траектория должна быть в истории интеллектуальна. «Концепция интеллектуальности важна потому, что в нашем дискурсе и практике заложено фундаментальное различие между людьми и другими существами» [8, с. 209], — пишет один из сторонников нарративного подхода, этик А. Макинтайр. Это не означает, конечно, неизменности намерений субъекта или его характера. Обстоятельства истории влияют на героя, они могут значительно изменить его состояния, характеристики и даже сущность, но все эти изменения происходят не без причин. Причины включаются в историю и объясняют эти изменения. Таким образом, вся история становится понятной, последовательной, осмысленной, а траектория психической жизни персонажа не перестает быть непрерывной. Причем сама личность эту траекторию в какой-то мере осознает и находит соответствующей собственному характеру. Нарративная концепция личности «предполагает, что личность обладает представлением о себе, которое связывает... [раздельные свойства личности] в определенный характер» [5, с. 97].

Третий скрепляющий элемент биографической истории и одновременно ее фильтр — *телеологическая направленность*. История может объединяться движением личности к каким-то долгосрочным целям. Говорить, что жизнь личности нарративна по своему характеру, «означает хотя бы отчасти утверждать, что никакая стадия не может быть полностью интеллектуальной — или даже определяемой — вне контекста жизни, в которой она имеет место» [5, с. 97]. Иерархия целей может увенчиваться каким-либо основным ориентиром, главным маяком в путешествии личности. Именно этот главный ориентир, конечный смысл в масштабе всей жизни, наделяет значением отдельные поступки и состояния. Главные ориентиры могут быть разные. Это может быть выживание, личное благополучие, доминирование, навязывание другим своей воли или получение максимального удовольствия. Но некоторые сторонники нарративного подхода (в первую очередь герменевтического направления) настаивают на том, что подлинное «личное благо» должно совпадать с добром как всеобщей ценностью: с желанием жить хорошо вместе с другими и для других в справедливом обществе. Только наличие такого главного этического ориентира, по их мнению, делает осмысленной жизнь в целом и каждое действие в отдельности.

Перечисленные выше характеристики позволяют изнутри скрепить нарратив, жизненную историю в одно целое. Они являются *внутренними* требованиями

к содержанию (логике и структуре) биографической истории. Но есть еще два необходимых *внешних* условия, которые следует предъявлять к биографическим нарративам для атрибуции характеристик агентов, это *возможность вербализации* и *правдоподобность нарратива*.

Способность сформулировать *полную* жизненную историю в рассказе от первого лица, удовлетворяющем внутренним требованиям, не является абсолютной необходимостью для атрибуции действий и ответственности. В конце концов, агент может не понимать мотивов своего поведения, не всегда различать конечные цели, даже не обладать способностью последовательно и подробно изложить события всей своей жизни. Но важно, чтобы агент был способен организовывать свой опыт и представления в жизненную историю. Возможно, существуют эмпирические подтверждения такой способности без вербализации рассказа. Однако в отсутствии таких возможностей свидетельством ее наличия является способность выражать в истории хотя бы часть жизненных событий и объяснять их. Я имею в виду способность описывать свои поступки от первого лица, ссылаться на их внутренние ментальные причины и обосновывать свои суждения об опыте. Если агент способен к такому описанию фрагментов жизни, значит, он способен структурировать свой опыт в виде нарратива, и, следовательно, то, что вписывается в этот нарратив и отвечает минимальным требованиям реализма, может служить его характеристикой.

Правдоподобие биографической истории — второй, но не менее важный внешний критерий. Требование правдоподобности, как и требование возможности вербализовать опыт, также не может быть абсолютным. Повествующий агент, как правило, допускает ошибки. Но хотя бы часть суждений в нарративе о событиях должна совпадать с суждениями других личностей. Другими словами, описания событий от первого лица должны хотя бы частично совпадать с их описаниями от третьего лица других участников и свидетелей событий. Иначе это будет фантастический нарратив, и по нему нельзя будет проводить атрибуцию действий и ответственности. «Каждый из нас, являясь главным героем собственной драмы, играет второстепенные роли в драмах других, и, таким образом, каждая драма служит ограничением для других», — пишет А. Макинтайр [8, с. 213]. Работу внутренних и внешних критериев можно продемонстрировать на следующей ситуации.

Предположим, кто-то ошибочно называет себя Наполеоном и утверждает, что был командующим в знаменитой битве у Ватерлоо. Участие в этой битве он обосновывает стремлением восстановить величие Французской империи, а разгром считает личной ответственностью. Теперь его целью является мировое признание. Как соотносится такая история с требованиями к нарративу? История артикулирована. В ней есть некоторая телеологическая целостность. Но остальные критерии не соблюдены. Нарушена непрерывность точки перспективы: например, заблуждающемуся человеку сложно будет объяснить, что он делал между 1821 г. и 2015 г. и как сочетается его биография и ментальная жизнь с фактами жизни Наполеона. Скорее всего, нарушится требование к интеллигентности: скажем, этому человеку будет трудно объяснить, зачем в XX в. он поступал в начальную школу, если в конце XVII в. уже заканчивал колледж. Но основной будет проблема несоответствия реальности: так, этому человеку будет трудно объяснить физические различия между Наполеоном и им самим. Таким образом, его история не будет соответ-

ствовать критериям интеллибельности, единства перспективы и правдоподобия. Следовательно, не сможет быть характеристикой этого человека и основанием для атрибуции описываемых действий. Более подходящей для этого человека будет совсем другая характеристика: он или вдохновленный историей фантазер, или психически больной.

Преимущества нарративного подхода

Нарративный подход отчасти является усовершенствованием психологического подхода. Он вбирает в себя преимущества последнего. Для интеллибельности нарратив должен отражать психологическую преемственность. Но новый подход позволяет лучше решить практические задачи: объяснить наличие моральной ответственности и особой заботы о будущем личности. М. Шечтман пишет, что нарративный подход «был разработан как альтернатива теориям психологической непрерывности и должен был схватить исходную локковскую интуицию, обходя при этом критику с помощью “предельного утверждения”» [1, с. 99]. Обход критики становится возможным потому, что сторонники нарративного подхода представляют личность распределенной во времени, состоящей из разных временных частей. Личности не редуцируемы к каким-то отдельным состояниям, а являются примитивными длительными сущностями. Они формируются из рассказа и, соответственно, обладают характеристиками, расположенными в разных временных координатах. Личность реализуется в жизненной истории, автобиографии, и является целостностью, протяженной во времени личностной историей. А целое очевидным образом зависит от частей. Поэтому забота о собственном будущем — это такая же забота о себе, как забота о себе настоящем. Для личности особенно важно, чтобы нарратив реализовался максимально благополучно. Личность имеет основания ожидать справедливой компенсации в рамках этого нарратива и несет ответственность за действия, включенные в нарратив. Это и есть рациональное основание моральной ответственности и заботы о выживании.

Нарративный подход также разрешает некоторые ситуации, которые являются препятствием для других подходов, а также объясняет специфические психологические феномены. Речь идет о гипотетической ситуации с делением и реальных ситуациях с синдромом диссоциативного расстройства идентичности.

Сломанный телетранспортер и множественные личности

Выше было показано, что ситуация со сломанным телетранспортером представляет трудность для психологического подхода. Его сторонникам трудно провести реидентификацию потому, что психологических копий несколько и у них равные основания считаться исходной личностью. Но для сторонников нарративного подхода это не должно представлять трудность — они не ограничены требованием соотношения «один к одному», так как не ставят вопрос реидентификации. С их позиции применительно к этим ситуациям правильнее было бы задавать другие, практически значимые вопросы. Например, выживает ли человек в ситуации, когда сломанный телетранспортер создает множество экземпляров? И несут ли экземпляры ответственность за поступки, совершенные прототипом?

Мне кажется, что оба ответа с позиции нарративного подхода должны быть положительными. Если нарратив каждого нового экземпляра включает в себя предыдущую биографию без нарушения обозначенных выше требований, то личность-прототип выживает, и каждый экземпляр личности несет ответственность за поступки, совершенные в прошлом. К примеру, может получиться, что за преступление, совершенное одним экземпляром личности в прошлом, наказание в настоящем будут нести несколько экземпляров. Но это не должно удивлять: ретроспективно представляется, что если было совершено осознанное и добровольное преступление, то это преступление было совершено всеми экземплярами и было «сверхдетерминированным» событием. Количество участников в обычной практике не снижает вины каждого в отдельности, если участники имели равноценные роли. Следовательно, не должно оно снижать ответственность и в этом случае. Злое намерение и злой характер каузально связаны с текущим состоянием всех экземпляров.

Не больше проблем для нарративного подхода имеет и обратный процесс — процесс интеграции личности, который можно рассмотреть на примере успешно прошедшего терапию человека с диссоциативным расстройством идентичности (ДРИ). Представляется, что нарративный подход должен рассматривать случай подлинного ДРИ как существование в одном теле нескольких личностей, из которых после интегративной терапии останется одна. Но в практическом плане это означает не смерть, а выживание личности с присвоением всех действий, совершенных в прошлом. Моральные суждения в отношении действий будут зависеть не только от самих поступков, но и от характера производной личности. Поэтому вина за часть этих поступков может быть снижена. В любом случае эта ситуация может непротиворечивым образом быть объяснена в нарративном подходе и не дает оснований для его критики.

Ситуации с делением и интеграцией личности не являются проблематичными для нарративного подхода. И нарративный подход лучше психологического объясняет основания для моральной ответственности и особой заботы. Это преимущества нарративного подхода. Но насколько этот подход уязвим для критики с другой стороны?

Возражения к нарративному подходу

Возражение 1. Разнообразие модусов жизни

Нарративный подход предполагает, что сущностью личности является последовательная жизненная история и что для реализации этой сущности необходима способность структурировать свой опыт, а также способность хотя бы отчасти артикулировать его: описывать поступки от первого лица и связывать их со своими ментальными состояниями. Но такие способности отсутствуют у людей в младенчестве и иногда в старости или при некоторых психических заболеваниях (в состоянии слабоумия, в хроническом вегетативном состоянии и т. п.). Таким образом, кажется, что нарративный подход вынуждает нас вычеркивать эти этапы из жизни личности. А это противоречит интуициям и порождает новую проблему — «проблему *кого-то еще*». Если человек, находящийся в хроническом вегетативном

состоянии (ХВС), не та же личность, что до этого состояния, то кто этот человек? Кто этот «кто-то еще»?

Нарративный подход не обязательно требует исключения таких этапов из истории личности. Они могут быть включены в историю личности благодаря смежным нарративам. Когда речь шла о требовании реализма нарратива, мы уже говорили о необходимости согласования нарратива от первого лица с нарративами с других перспектив. Таким образом, было уже очевидно, что другие личности имеют отношение к биографическому нарративу. Для включения особых этапов в историю личности стоит добавить следующее условие: даже в ситуации ее полного «молчания» другие могут дополнять, расширять и уточнять автобиографический нарратив. То есть автобиографический нарратив — это история, написанная не только от первого лица, но и дополненная другими участниками, свидетелями событий. Если дети и слабоумные не могут «выразить свой нарратив», он может быть выражен в сотрудничестве с другими. Такой вариант нарративного подхода обходит «проблему кого-то еще».

Возражение 2. Эпизодические личности как контрпримеры

Нарративный подход можно критиковать и с помощью контрпримеров. Такую тактику предлагает американский философ Г. Строссон [9]. По его мнению, существуют люди такого типа, которые, кажется, не подойдут под критерии личностей, представленные сторонниками нарративного подхода. Этих людей Г. Строссон называет *эпизодическими*. Эпизодические люди — те, кто не считает себя чем-то, что существовало в прошлом и будет существовать в будущем. При этом эпизодические люди, естественно, понимают, что биологическое существо, в котором реализуется их «я», обладает временной длительностью, но само «я» они не считают длящимся [9, с. 65]. Эпизодические люди не видят свою жизнь как разворачивающийся нарратив, в этом смысле они живут только в настоящем, полностью в настоящем. Их Строссон противопоставляет *диахроническим* людям: тем, которые осознают себя как нечто, существовавшее в прошлом, и то, что будет существовать в будущем. Возможно, диахронических людей большинство. Но, по мнению Строссона, эпизодические тоже существуют. К эпизодическим людям он относит и себя. Как бы то ни было, помыслить существование эпизодических людей можно. При этом представляется, что эпизодические люди должны относиться к категории личностей. Значит, в наших интуициях обнаруживается противоречие. Из этого, по мнению Строссона, следует, что, согласно интуициям, нарратив не является неотъемлемым и существенным элементом личности. А значит, нарративный подход ложен.

Строссон предвидит соображения, которые мог бы выдвинуть сторонник нарративного подхода в свою защиту — аргумент, якобы доказывающий нарративную структуру даже эпизодических личностей. Жизнь эпизодических людей — это *развитие*, как и жизнь диахронических людей. В этом смысле жизнь эпизодических людей тоже представляет собой последовательность. Эту последовательность могут описывать как сами эти люди, так и их окружение. Следовательно, эпизодические личности также реализуются в нарративах. Но Строссон считает, что этот аргумент неудачен, так как он сводит нарративный подход к тривиальности. Если жизнь эпизодической личности можно считать реализующейся в нарративе, то и жизнь любого человека будет в этом смысле нарративной. Более того, даже жизнь

лошади или собаки можно таким образом считать реализующейся в нарративе — в конце концов, и в их жизни будут развитие и последовательность. Таким образом, Строссон предлагает своеобразную стратегию: либо нарративный подход тривиален, либо он опровергается контрпримером. Так ли это?

Мне кажется, что критика Строссона может быть эффективна для некоторых нарративных концепций личности. Но она проходит мимо *прагматического тезиса*. Суть его в том, что именно моральная ответственность за действия личности в прошлом и особая забота о собственном будущем базируются на нарративной структуре личности. Прагматический тезис следует отличать от *психологического тезиса* о нарративной природе личности. Согласно психологическому тезису все люди переживают свою жизнь как историю, нарратив. Именно психологический тезис уязвим для критики с помощью контрпримеров с эпизодическими людьми, а не прагматический. Прагматический тезис предполагает лишь то, что основание применения моральной ответственности — это нарративная структура и единство личности. Но личность может существовать и без такой структуры. В таком случае применение моральной ответственности к человеку будет неуместным, неоправданным, безосновательным. Моральная ответственность — как плод на ветке нарратива: падает ветка, падает и плод. Значит ли это, что эпизодические люди не несут ответственности? В частности, означает ли это, что к Строссону нельзя применять эту категорию?

В строгом смысле — да. Действительно, эпизодические личности не должны нести ответственности за действия. Но является ли человек эпизодическим или диахроническим — вопрос не такой однозначный. В решении этого вопроса имеет значение не только сама личность, но и представления о ней окружающих. Человек может декларировать отсутствие особой привязанности к своему прошлому и особой заботы о своем будущем, как это делает Г. Строссон: «Я имею прошлое, как любой другой человек, и я прекрасно понимаю, что имею прошлое. У меня достаточно фактических знаний о нем, и я также помню некоторые из моих переживаний в прошлом “изнутри”, как говорят философы. И при этом я ни в коей мере не переживаю свою жизнь в нарративной форме или как нарратив без структуры. Со всем не переживаю. У меня нет особого интереса к своему прошлому и у меня нет особой заботы о своем будущем» [9, с. 67]. И при этом из его поведения (по крайней мере, иногда) может следовать обратное. В таком случае этого человека нельзя считать эпизодическим. К примеру, если человек все-таки иногда сожалеет о событиях своего прошлого или гордится ими, если он иногда с большей тревогой относится к возможным переживаниям в будущем собственной боли, чем боли других, — значит, он не эпизодический человек, а диахронический. И он несет моральную ответственность за действия, которые следует относить к его биографической истории, даже если сам он их явным образом к себе не относит. Каким человеком является Гален Строссон? Мне сложно представить, чтобы человек, живущий вполне обыкновенной жизнью, был эпизодическим человеком.

Вместе с тем я, конечно же, могу представить себе человека, проживающего экстраординарную жизнь, который был бы эпизодическим существом. Таким человеком мог бы быть отшельник, проводящий время в медитации и реализовавший буддийские идеалы: человек, лишенный страдания и освободившийся от желаний. Нет ничего противоречивого в том, чтобы помыслить человека с такими психоло-

гическими характеристиками. Но его поведение, по моему мнению, должно радикально отличаться от поведения обычных людей, и это было бы очевидно со стороны. Такого человека вряд ли можно было бы считать обычной личностью или вообще личностью. Более того, думаю, ему вообще трудно было бы приписывать наличие «я».

Это отчасти подтверждают описания переживаний существования эпизодических личностей самого Г. Строссона. «Я не имею осмысленного ощущения, что “я” — “я”, сейчас размышляющий над этим вопросом, — существовал тогда в прошлом. И для меня это не ошибка восприятия. А скорее регистрация факта обо мне — о том, кто сейчас размышляет над этой проблемой» [9, с. 68]. Строссон ссылается на то, что у него нет ощущения, что «я» присутствовало тогда, в прошлом, но он также не разъясняет, в чем заключается осмысленное ощущение существования «я» в настоящем. Если «переживания перспективы изнутри» недостаточно для переживания «я», то ни в прошлом, ни в настоящем с помощью интроспекции нельзя обнаружить «я». Достаточно вспомнить рассуждения Юма на этот счет. Таким образом, в ответ на стратегему Строссона я предлагаю другую: либо большинство людей, считающих себя эпизодическими, фактически являются диахроническими, либо такие люди действительно эпизодические, но тогда они не только не личности, но и не обладают «я». Эти специальные случаи эпизодических людей возможны, но они не являются угрозой для тезиса о нарративной структуре личности. Таким образом, я считаю критику Строссона неопасной для нарративного подхода.

Анализ преимуществ нарративного подхода и замечаний в его отношении позволяет сделать вывод о том, что он представляет собой наиболее удачное решение проблемы связи событий и их атрибуции личности. Нарративный подход позволяет объединить атрибуты личности в течение времени. Атрибуция событий, в свою очередь, обеспечивает базу для моральной ответственности за действия, произведенные личностью в прошлом. Таким образом, это наиболее перспективное решение вопроса о тождестве личности в его практическом ракурсе.

Литература

1. *Schechtman M.* Staying alive: personal identity, practical concerns, and the unity of a life. Oxford: Oxford University Press, 2014. 224 p.
2. *Локк Дж.* Сочинения: в 3 т. Т. 1: Опыт о человеческом разумении / под ред. И. С. Нарского. М.: Мысль, 1985. 560 с.
3. *Shoemaker S., Swinburne R.* Personal Identity. Oxford: Blackwell, 1991. 168 p.
4. *Parfit D.* Reasons and persons. Oxford: Oxford University Press, 1984. 560 p.
5. *Schechtman M.* The constitution of selves. Ithaca: Cornell University Press, 2007. 192 p.
6. *Dennett D.* The Self as a Center of Narrative Gravity // *Self and Consciousness: Multiple Perspectives* / eds F. Kessel, P. Cole, D. Johnson. Hillsdale, NJ: Erlbaum Associates, 1992. P. 103–115.
7. *Atkins K.* Narrative identity and moral identity. A practical perspective. Oxford: Routledge, 2010. 184 p.
8. *Macintyre A.* After Virtue. A study in moral theory. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 2007. 312 p.
9. *Strawson G.* The Self? / ed. by G. Strawson. Malden: Blackwell publishing, 2005. 129 p.

Для цитирования: Волков Д. Б. Нарративный подход как решение проблемы тождества // Вестник СПбГУ. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. Вып. 4. С. 21–32. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2016.403

References

1. Schechtman M. *Staying alive: personal identity, practical concerns, and the unity of a life*. Oxford: Oxford University Press. 2014. 224 p.
2. Lokk Dzh. *Sochineniia: v 3 t. T. 1: Opyt o chelovecheskom razumenii* [Works: In 3 vols. Vol. 1. Experience in human understanding]. Ed. by I. S. Narsky. Moscow, Mysl Publ., 1985. 560 p. (In Russian)
3. Shoemaker S. Swinburne R. *Personal Identity*. Oxford, Blackwell Publ., 1991. 168 p.
4. Parfit D. *Reasons and persons*. Oxford, Oxford University Press, 1984. 560 p.
5. Schechtman M. *The constitution of selves*. Ithaca, Cornell University Press, 2007. 192 p.
6. Dennett D. The Self as a Center of Narrative Gravity. *Self and Consciousness: Multiple Perspectives*. Eds F. Kessel, P. Cole and D. Johnson. Hillsdale, NJ, Erlbaum Associates Publ., 1992, pp. 103–115.
7. Atkins K. *Narrative identity and moral identity. A practical perspective*. Oxford, Routledge Publ., 2010. 184 p.
8. Macintyre A. *After Virtue. A study in moral theory*. Notre Dame, University of Notre Dame Press, 2007. 312 p.
9. Strawson G. *The Self?* Ed. by G. Strawson. Malden, Blackwell Publ., 2005. 129 p.

For citation: Volkov D. B. Narrative approach as the solution to the personal identity problem. *Vestnik SPbU. Series 17. Philosophy. Conflict studies. Culture studies. Religious studies*, 2016, issue 4, pp. 21–32.
DOI: 10.21638/11701/spbu17.2016.403

Статья поступила в редакцию 13 мая 2016 г.;
принята в печать 16 июня 2016 г.